

БУНТ ТАТАР-МУСУЛЬМАН В 1748 г.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФАКТ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?*

40-е гг. XVIII столетия стали в России временем продолжения традиций во внутренней политике, заложенных Петром I. При всей осторожности и порой даже нерешительности императрица Елизавета Петровна проводила жесткую религиозную политику, отличавшуюся нетерпимостью к представителям других конфессий. Ее непреклонность в отношении нехристиан передает не столько, скажем, указ о высылке из России лиц иудейского вероисповедания, а резолюция, которую она наложила на доклад Сената, в котором говорилось о негативных последствиях этой меры для торговли: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»¹. Об энергичности действий ее правительства свидетельствовали и указы о перестройке лютеранских храмов в православные. С не меньшей экспрессией и упорством

властные структуры добивались обращения мусульманского и языческого населения в православие².

Из всех действий и способов, побуждавших и вынуждавших сменить веру, наибольшую безысходность несли меры, направленные на сокращение насущного, необходимого для поддержания жизни человека. А если эти меры сочетались с предоставлением привилегий уже сменившим веру, то они воспринимались как оскорбление. Социальный взрыв в таких случаях зачастую был неминуем. Об этом говорят народные восстания 1681-1683, 1704-1711, 1735-1740, 1755 гг. Дело в том, что по логике исламского мировоззрения человек, забывший о вере, неизбежно будет наказан. А уверовавший в Аллаха будет спасен в любой катастрофе, ниспосланной им.

Поэтому нетрудно представить,

* Продолжение. Начало см.: Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2008. — № 2. — С. 159-175.

как был воспринят указ Сената от 11 марта 1747 г. о переложении податей и повинностей новокрещен Казанской губернии на мусульман и язычников³. Но существовали и сдерживающие от открытых выступлений факторы, навеянные теократическим началом в исламе. В соответствии с ним светская и религиозная власть — это одно целое. Из этого следовала убежденность в возможности пересмотра несправедливого указа, разрешения сложившейся сложной ситуации верховной властью. Для мусульманина обращение к главе государства было нормальным адекватным поведением. Этим и объясняется направление делегаций доверенных лиц от имени мусульман после выхода упо-

мянутого указа-предписания в столицу.

В рассматриваемый период в Казани и на территории губернии активную деятельность развернули миссионеры, курируемые Канторой новокрещенских дел. В их среде возникла идея анонимки о готовящемся вооруженном выступлении татарского населения против властей. В последующем миф о бунте был раздут представителями администрации (центральной и местной), что нашло отражение в материалах расследования, часть из которых мы предлагаем вниманию читателей.

Публикация текста документов осуществлена по ксерокопиям из фонда Альметьевской энциклопедии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. — 1993. — № 5. — С. 64.
2. Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колонизальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. — Казань, 1948. — Вып. I. — С. 230; Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. — Казань, 1869. — С. 4.
3. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Собрание 1. — Т. 12. — № 9379. — С. 667-670.

№ 1. 1748-го, марта 3. — Рапорт в Государственную военную коллегию из Казанской губернской канцелярии о мерах, принятых по указу от 21 февраля 1748 г. об ожидаемом бунте татар

В Государственную военную коллегию из Казанской губернской канцелярии рапорт о получении указа и о действительном исполнении¹.

Ея императорского величества указ из Государственной военной коллегии, пущенной февраля в 21 ч[исло]² под № 168-м, о имени предосторожности от намеренного злого татарского бунта и о требовании от тайного советника, ковалера и оренбургского губернатора господина Неплюева полков для той предосторожности и о прочем в Казанской губернской канцелярии сего [1]748 году марта 1 числа получен.

А по справке в Казанской губернской канцелярии по прежнему губернской канцелярии определению и по требованию для вышеписанной предосторожности Азовского драгунского полку мазор фон Генинберг с командою в Казань, а из показанных команды тайного советника, ковалера и губернатора полков Троицкого из наличного половина, а именно: триста шездесят девять, а Ревельского драгунского за раскамандированием две роты х Казани прибыли. И означенная половина Троицкого и две роты Ревельского поставлены поблизости х Казани в Казанском уезде по сю сторону Камы реки, а мазор фон Генинберг с командою — в Казанской Татарской слободе. О чем в Правительствующи Сенат и того Сената в кантору, в Государственную военную коллегию и оной коллегии в кантору писано доношениями.

А в Оренбургскую губернскую канцелярию сообщено промеморию февраля 23 дня.

А ныне по силе оного указу в Казанской губернской канцелярии определено вышеписанным командам быть: мазору Генинбергу с командою в Казанской Татарской слободе, а Ревельского двусотной и Троицкого трехсотной в Казанском уезде близ Казани в тех местах, где оные ныне поставлены до указа.

А полкам Троицкому и Ревельскому быть же, где ныне находятся. А в Азовской и Ростовской, и Вяцкой полки // посланы указы с нарочными, по которым велено, когда в те полки означенные указы и в которых местах получены будут, то тем полкам в тех местах

и остоновится велено. А далее следовать не велено, ибо по нынешним обстоятельствам в Казани во оных нужды крайней не признается, но токмо б те полки были в готовности и отдали ордера от брегадира Бардекевича. А присланные при том указе для отсылки к означенному тайному советнику ковалеру и губернатору указы при промемори посланы с нарочными.

А в разведывани злаго татарского умысла употребися всевозможные способы. И для подлинного о том разведывания в Казанской уезд посланы нарочные, обер-афицер, коим то разведывание велено чинить секретно прили[чным] образом.

А ныне в Казани и в Казанской губернии обстоит, как и прежде, все благополучно, и никаких замешаней в татарских жителствах и поныне не слышно. А о подметных писмах по силе Правительствующаго Сената и оной Военной коллегии указов ко изысканию всевозможные меры и способы чинятся.

А что впредь скажется, о том Государственной военной коллегии донесено имеет быть неукоснительно.

Иван Бардекевич. Василей Миязгунов, Иван Блахов. Секретарь Петр Стрелков.
Марта 3-го дня 1748 году.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА),
ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 25-25 об.

№ 2. 1748-го, февраля 21. – Указ Правительствующего Сената, данный от имени императрицы Военной коллегии, о направлении в Татарскую слободу Казани тайных агентов для выяснения возможности бунта, конфискации оружия и военных припасов у населения, о необходимости заинтересовать материально составителя писем в явке в губернскую канцелярию и о даче показаний о предполагаемом бунте и его зачинщиках

Указ Ея императорского величества самодержицы Всероссийской ис Правительствующаго Сената Военной коллегии³.

По указу Ея императорского величества Правительствующий Сенат по доношению Казанской губернской канцелярии о подметных писмах о намерении казанских татар к бунту и по приложенным при том доношении с тех писем копиям, тако ж и по поданному из оной коллегии о том же репорту, в котором объявлено той коллегии Определение о следовании близстоящим х Казане команды тайного советника Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревельскому полкам, да находящемуся в Саранску у сыску воров и разбойников мазору Гениберху с тремя драгунскими ротами прямо в Казань со всяким поспешением и о бытии им в команде у брегадира Бардекевича, а в небытность ево в Казане, тамошней губернской канцелярии, // и каким образом им во осторожность от тех их злых намерений и вследствии о том поступать велено, приказали в Казанскую губернскую канцелярию и к брегадиру Бардекевичу послать указы с нарочным куриером.

Велеть о предосторожности от тех злых татарских намерений ко искоренении, ежели подлинно оное намерение их есть, того зла в самой скорости поступать посланным из Военной коллегии указом во всем непременно.

А между тем о тех подметных писмах и о том их злом намерении накрепко и в самой крайней скорости следовать. Для которого следствия в губернской канцелярии присутствовать и брегадиру Бардекевичу. И как в Татарской слободы, которые в Казане, так и близлежащая татарския деревни для разведывания о том их злом намерении посылать секретно верных людей. И ежели по такому разведыванию или по вышеписанному следствию тот их // умысел совершенно явитца, то, как скоро возможно, старатца пущих зачинщиков переловить и у всех тех татар, которые в слободах и в близлежащих деревнях живут, всякое ружье, порох и свинец обобрать.

А в Казане публиковать, что понеже найдены два подметные письма, подписанные: одно на имя секретаря Михаила Полянского, а другое — полицмейстера Александра Маматова. А кто оные писал, того в них не написано. Того ради, чтоб тот, кто оные письма писал, явился в губернской канцелярии без всякого опасения и боязни, за что ему и награждение дано будет пятьсот рублей. Которые денги при той публикации на площади поставить в фонаре.

А о материи тех писем в той публикации не писать. И когда он явится, то ему те денги отдать и при том обнадежить, что ежели он о том их злом намерении подлинно докажет, за что он награжден будет довольною // Ея императорскаго величества милостию. И чтоб он точно показал, от кого он о том их татарском злом намерении и давно ль уведал, и кто тому первые зачинщики.

И по тому ево показанию старатца оных зачинщиков переловить. И накрепко по вышеписанному следовать. И что по тому следствию оказыватца будет, о том в Сенат репортовать почасту с нарочными куриерами, и Военной коллегии о том ведать.

А в Казанскую губернскую канцелярию и к брегадиру Бардекевичю указы с нарочным посланы. Тако же и Оренбурхской губернской канцелярии о том же указом дано знать будет.

Февраля 21 дня 1748 году.

У подлинного подписано тако: «Обер-секретарь Матвей Козмин. Канцелярист Иван Баженов».

В Военной коллегии получен того ж числа.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 28-29 об.

№ 3. 1748-го, февраля 9. – Запись об объявлении М. Г. Полянским переданного ему новокрещеном Ф. Петровым анонимного письма о предполагаемом бунте татар Казанской губернии с приложением изложения Плача-прорицания царицы Сююмбике от 3 октября 1552 г.

1748-го году февраля девятого числа поутру, в девятом часу по полуночи, пришел в Казанскую губернскую канцелярию оной же канцелярии секретарь Михаила Григорьев сын Полянской и с собою привел лекаря Егора Дмитрополева жены ево, вдовы Ирины Ивановой дочери Дмитрополевой, дворового человека из башкир новокрещена Федора Петрова. И по приходе объявил Казанской губернской канцелярии господам присутствующим письмо, распечатанное в пакете, на котором пакете подписано было тако: «Государю Михаиле Григорьевичю, господину секретарю Полянскому из Москвы в Казане».

О коем письме показанной секретарь Полянской сказал, что сего-де числа был у него в доме Казанского уезду Арской дороги деревни Корсы татарин Ермак Усеинов для своих нужд. При чем де случился быть в том же доме казанской купец Андрей Тиханов сын Пушников. И побыв де в доме ево, Полянского, оной Ермак и поехал неведомо куды. И после того ж часу, пришел к нему, Полянскому, в дом, вышеписанной из башкир новокрещен и показанное письмо в пакете за печатью ему, Полянскому, при означенном Пушникове подал.

О котором сказал, что то письмо вырвал он из рук у татарина, которой де к нему, Полянскому, приезжал с вышеписанным Ермаком. // А как ево зовут и чей сын, и которого уезду и жителства, того он не знает.

Усмотря де, что то письмо подписано на имя показанного Полянского, и по той подписи приняв то письмо, он, Полянской, при вышеписанном Пушникове распечатал.

А по распечатании де того пакета явилось во [оном] пасквилное письмо, писанное на четверти листа о бунте казанских татар. А кем оное письмо писано и х кому, того в том пис[ьме] не подписано, чего де для оной пакет с пис[ьмом] Полянской объявляет при сем.

У подлинного подписано тако: «К сему объявлению секре[тарь] Михаилу Полянской руку приложил».

Рассуждение прорицательного плача казанские царицы в 7061 году октября 3 дня по взятие града Казани

Будет Казань за татары. По руски лучше не могу толмачить, я был сам татарин, ныне крещеной. А по-татарски⁴ ладно⁵ и складна, а по руски будет: Казана взята через тридцатое и еще 3 и еще 3 и еще 3 годов, то как будет 39 годов, перво время-7100 году.

Другое время и пора через тридцать девять годов в 7139 году. Третья пора и время через тридцать девять годов 7178 году.

Четвертое время через 39 годов в 7127 году. Я помню татары тогда Казань хотели взять, с ног зачали и уезд разоряли.

А ныне хотят воевать с головы зачать, в Казане всех до малого робенка перерубить и, розделя добычу, по ногам и по рукам ити, то есть по уезду всех рубить. И того ожидать через девятнадцать 39 годов. Четвертое время прошли, а пятое ныне приходит в 7256 году. //

Нада опасенье иметь в начале сего года по рождении первого месяца марта в третьей день в отдачу вечерних часов. А то время случитца в ночь на чистой понедельник. А то будет от Татарской слободы. И тем погублением русских избудут крещения и платежа не-сносного подати. И у татар ныне имеетца на сие острои и крепкой помысел, чего очень в сем году христианом в Казане опасатца от напрасно[го]⁶ погубленья. Я бы себя объявил, да боюся та[тар]. И сего писма никому не таить и начал[ьни]ком объявить.

На конверте⁷, в коем оное письмо вложено, надпись такова: «Государю Михаилу Григорьевичю, господину секретарю Полянскому. Из Москвы в Казане»⁸.

Оной конверт⁹ запечатан красным сургучем, а вместо печати припечат[ано] орлом ходячей денешки¹⁰.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 54-55 об.

№ 4. 1748-го, февраля 9. – Запись о предъявлении А. А. Маматовым анонимного письма о бунте казанских татар с приложением изложения Плача-прорицания царицы Сююмбике от 3 октября 1552 г. и о приводе им отставного капрала Л. О. Гневышева в Казанскую губернскую канцелярию

1748 году февраля девятого числа поутру, в девятом часу по полуночи, пришел в Казанскую губернскую канцелярию подполковник и казанской полицмейстер Александр Алексеев сын Маматов. И по приходе казанской губернской канцелярист присутствующим подал распечатанной пакет с письмом, на коем подписано тако: «Государю Александру Алексеевичю господину полковнику Маматову из Москвы в Казане».

О коем пакете сказал, что де вышеписанного числа подал ему оной пакет за печатью команды ево казанской полицы отставной капрал Лука Осипов сын Кневышев. О котором де пакете ему подполковнику сказал, что сего же числа стоял де он у Казанской полицы и Казанской гарнизонной школы. Школники пришел к нему, а хто оные имяны, того не знает, человек з десять, и тот пакет запечатанной бросили к нему капралу на пол. И, подняв де, тот капрал оное письмо, на котором подписано, что тот пакет к отдаче ему подполковнику и казанскому полицмейстеру, и по той подписе тот пакет, взяв у одного солдата, подполковник и распечатал.

А по распечатани в том пакете явилось воном пасквильное письмо, писанное на четвертинке листа, о бунте казанских татар. А кем оное письмо писано, и от кого и х кому, того в том письме не подписано. Чего де для оной пакет с письмом и означенного отставного салдата Луку Осипова сына Гневышева он, полковник, объявляет при сем.

У подлинного подписано тако: «Артилерия подполковник Маматов». //

Разсуждения прорицательного плача казанские царицы в 7061 году октября 3 дня, по взятые града Казани

По руски не умею лучше разтолмачить, татарски слова будет: «Казань за татары через три десятка ещо 3 и ещо 3 и ещо 3 просты годы». А значит оны слова: «39 годов».

Перво время — в 7100 году,

Друго время — в 7139,

Трете время — в 7178,

Четверто время — в 7217,

Пято время — в 7256 г.

Время 39 года. Я помню, разоряли Русь.

Нада опасенье иметь в начале¹¹ сего года, по рождении первого месеца, марта 3 дня в отдачу вечерних часов.

А то время будет в воскресенья на чистой понедельник. А буде неудаща, снова того года три десятка и ещо 3 и ещо 3 и ещо 3 дни, 39-го ожидаю все году чрез 39 дней. //

Преж зачали брать Казань с ног по уезду, ныне чаю зачнут з головы — Казань в 3 часа, что ни одного русского не оставят.

И тем погубленьем избудут крещенья и несносного платежа.

И у татар в слободе и в уезде идет охотно острой и крепкой помысл.

Я бы за что был бы от русских с великими¹², коли б сам явился, да татар боюся. //

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 56-57 об.

№ 5. 1748-го, февраля 14. – Донесение в Государственную военную коллегию оренбургского губернатора Неплюева

В Государственную военную коллегию тайного советника и Оренбургской губернии губернатора Неплюева покорнейшее доношение¹³.

Сего числа в здешней губернской канцелярии чрез нарочного Свияжского полку салдата Федорова промемория, токмо без датума, которою оная канцелярия объявила, яко сего февраля 9 дня чрез полицмейстера подполковника Маматова да губернского секретаря Полянского объявлены во оную губернскую канцелярию подкинутые к ним в пакетах, подписанные на имя их, письма.

Да ис Казанского де уезду з заводу купца Логинова в пакете ж письмо казанского гарнизона к прапорщику Неелову, в котором написано, слышно де там, что татары хотят бунтовать за Камой.

А в подметных объявлено, что они намерены начать бунт по прошествии сырной недели на понедельник в первом часу. Во-первых, погубить всех в Казани, а потом и в уезде. И того де ради об оном для ведома и чтоб оренбургская губернская канцелярия имела в том осторожность, сообщила. И требовала, чтоб в Казань, за неимением в Казанском гарнизоне салдат, как наискоря из своей команды командировала из стоящих поблизости к Казани из Ревельского и Троицкого полков по половине.

А в те де полки о скорейшем командировании, тако же и к ставропольскому коменданту полковнику Останкову о подтверждении тем полкам, указы посланы. При чем и те приложении, с коих она вышеозначенное писала, сообщила. С которых в Государственную военную коллегию прилагаю при чем копии, и хотя основательно ли оное или нет, я того не знаю. Однако же, когда от нее такие требования сюда учинены, то я в предосторожность Ея императорского величества высочайших интересов не мог оставить, чтоб принятым ею мерам вспоможения не чинить. И для того сего ж числа учинил следующее:

1-е. В Троицкой и Ревельской армейския драгунския полки с нарочными из Оренбургской губернской канцелярии послал Ея императорского величества указы, коими накрепко подтвердил, дабы от таких злых действ не толко в том, что ныне по тому Казанскою губернскою канцеляриею от оных полков требования // мои впредь, чтоб от нее потребовано ни было, исполняли непременно в самой крайней скорости и без наималейшего упущения, без всяких отговорок, под опасением жесточайшаго по указом Ея императорского величества штрафа. И для того б и оставших за командированием от тех полков имели к походу во всякой готовности. Чтоб как скоро от Казанской губернской канцелярии о каком либо еще командировании или и всем оставшим от тех полков командам о походе куда указ получен будет, того же часу выступить и по ея определению поступать могли, и все б сие содержали в высшем секрете.

Ежели ж от Троицкого полка и правящим в Уфинской провинции воеводскую должность полковником Люткиным по нижеозначенному учиненному ему определению что востребовано будет, то и в том поступать по оному ж. Яко Троицкий полк подле самого Уфинского уезду на винтер-квартирах состоит.

А понеже Ревельский полк состоит в ведомстве Ставропольском, чего ради, что довольствия оного винтер-квартирами и правянтном, и фуражем принадлежит, в том оному велено быть послушным полковнику и ставропольскому коменданту Останкову. Того ради и ему, Останкову, // особым указом тако ж де подтверждено, чтоб Казанскою губернскою канцеляриею от того полку потребовано ни было, по команде ево исполнял непременно в самой крайней скорости и без наималейшего упущения.

2-е. Понеже Уфинской уезд весь почти из иноверцов состоит и распространяется и за Каму реку, и для того вышеозначенному правящему в Уфинской провинции воеводскую должность полковнику Люткину то известие сообщено и велено от таких злых замыслов и поступок татарских в ведомстве ево иметь везде крепкую предосторожность. Для чего и майора Кублицкого, которой в бывшей минувшаго лета в той провинции тептерей и бобылей в платеже новоположенного ясака противности употреблялся и ныне во оной же провинции для довольствия расположенного на винтер-квартиры Казанского гарнизонного драгунского полку фуражем употребляется, надлежащим указом о том снабдить секретно.

И Казанскому драгунскому полку велено быть к походу во всякой готовности, не объявляя причины для чего, доколе в том нужды не будет. А для лучшаго в том уверения за Камою рекою чрез нарочного и самого надежного человека // от себя приличным образом учинить разведывание, что, где у татар происходит, и какие намерения имеют, и нет ли у них каких странных замыслов.

Чего б ради, ежели за благо разсудит, послал той провинции секретаря Зубова под каким-нибудь другим видом, яко оной секретарь и языка и состояния их знающей. И с накрепчайшим ему подтверждением, дабы он то разведывание чинил весьма тайно и осторожно, чтоб о том отнюдь никто уведать не мог под опасением жестокаго по указом штрафа, на примере за каким делом в Осинскую канцелярию или для чего и начал. И что уведает, с тем бы возвращался к нему немедленно.

А что он полковник получит, о том бы тотчас чрез нарочных сюда и в Казанскую губернскую канцелярию репортовал. Также и в Троицкой полк давал знать, ибо оному, как выше значит, по ево Люткина требованиям поступать велено.

А башкирцов бы и никаких иноверцов в то не употреблял, разве бы уже то открылось, о чем о всем и в Казанскую губернскую канцелярию по здешней губернской канцелярии писано, и сверх того.

3-е. Объявлено, что ежели, паче чаяния, такая тех татар объявленные замыслы в действо // произойдут, и сверх Троицкаго и Ревельского полков в военных людях еще нужда востребуется, то она б и Московской армейской драгунской же полк во осторожность и в пресечение оных по своему усмотрению употребляла.

Чего ради и во оной в такой же силе, как и в первые два, послушной отсель указ в запас при промемории к ней посланы и об оном Государственной военной коллегии покорнейше доношу.

А здесь доньне обстоит во всем благополучно. Однако ж в разсуждении здешней пограничности и иноверных народов, которые в здешней губернии находятся, от Казанской губернской канцелярии требовано, дабы она о том, что иные в предписанном будет происходить, сюда частыми уведомлениями не оставляла.

И сие доношение в конверте¹⁴ той канцелярии послано.

Иван Неплюев.

Оренбург. Февраля 14 числа.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 63-65 об.

№ 6. 1748-го, марта 21. – Донесение в Государственную военную коллегию из Казанской губернской канцелярии

В Государственную военную коллегию ис Казанской губернской канцелярии доношение¹⁵.

По присланным Ея императорскаго величества указом повелено, а имянно. По 1-му, ис Правительствующаго Сената на доношение Казанской губернской канцелярии следствие о подметных писмах и о злом татарском умысле производить действительному статскому советнику и Казанской губернии губернатору Грекову обще з брегадиром Бардекевичем с товарищи в самой крайней скорости.

И ежели тот их злой умысел совершенно явится, то, как скоро возможно, стараться пущих зачинщиков переловить и писма у них обобрать и накрепко их расспрашивать и

пытать. И что по роспросам явится, о том в Правительствующий Сенат репортовать с нарочным в самой скорости.

По 2-му, Государственной военной коллегии для предосторожности и прекращения злаго татар казанских умыслу близ стоящих х Казани команды тайного советника ковалера и оренбургского губернатора Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревелскому полкам следовать прямо в Казань. И быть тем полкам в команде брегадира Бардекевича. А достальному московскому драгунскому полку для всяких по сему обстоятельству нужных случаев быть в ево тайного советника команде до указу. //

А ежели нужда востребует, и у него тайного советника никакой опасности не предусматривается, то, как тем московским полком, так и другими войски всекрайнейшее вспоможение чинить. И о вышеписанном по подметным письмам следствие, кем подлежит в силе Ея императорского величества указов, и производится.

И что по тому следствию оказалось, в Правительствующий Сенат со обстоятельством донесено. И посланы ис того при доношениях экстракты: первой — марта 16; второй — 21 чисел. А при отпуске означенного перваго с экстрактом доношения объявлены в Казанской губернской канцелярии при доношении от капитана Жданова Зюрейской дороги новокрещенской деревни Кузаевой из мордвы новокрещены Ларион Федоров, Василей Дмитриев да татары деревни Юсупкиной Беккула Бекеев, Фадей Минеев, Юнус Декереев, деревни Добрамыш Медей Мемеев.

Ис которых показанные новокрещены роспросами показали, что прошедшаго де февраля 17 числа, будучи в их деревне, означенные татары говорили им, что де мы за вас разоряемся, платим новокрещенские деньги. На что де и они, Ларион и Василей, им объявили, креститесь де и вы, и с вас де править не будут. На которые его слова показанные Беккул сказал, молить Богу, а то бы досталось вашу деревню рубить, а добрамыским де служилым татаром рубить было новокрещенское село Рождественское, Емаш то ж. И того ж числа ис показанных татар Беккул в губернской канцелярии во всем оном заперся. А оные новокрещены ево обличали. И для того сведен в застенок. А в роспросе без розыску // на виске против вышеписанного принес извинение.

И сверх того приполнил, ныне де тому сколько недель не упомнит, толко об нынешней масленице, служилой татарин Фадей Минеев посылал ево, Беккула, в вышеписанную новокрещенскую деревню Кузайкину для присмотру, в какой тои деревни новокрещены осторожности и ест ли у них ружья, и хотели ль означенную деревню Кузайкину вырубить, к чему де вся их деревня была в согласии. Да сверх же того в том же согласии были тое ж их Зюрейской и Нагайской дорог татары по званиям осмнатцеть деревень, и все де Казанского уезду татары.

А был де к тому умыслу сход за Шешмою рекою в степи, а в которой де деревне не знает, об масленице ж, от всякой деревни по два человека. А от их де деревни было ж два человека, в том числе и вышеписанные привозные с ним татары, и были дней с пять. И кто де к тому пущие заводчики, и не было ль в том согласии из башкирцов и из других степных народов кто были, того ему не сказали. Но токмо по тому намерению своему никому никакого разорения учинить не осмелились.

И по определению ево ж действительного статского советника и губернатора с товарищи показанной татарин Беккул розыскиван. А с розыску показал то ж, что и выше. И в том утвердился. И по тому показанию и вышеписанные татары Фадей с товарищи роспрашиваны и розыскиваны ж. И как с роспросов, так и с розысков, сперва против оного показания учинили запитательство.

И показанной Фадей показывал, что из разных деревень сотники и мирские люди на мирской сход в деревню Ибрайкину к татарину Якупке, чей сын не знает, // якобы для щету ездили, о чем и в Правительствующий Сенат писано доношением сего марта 16 числа. И после оного посланного доношения показанные ж татары сведены в застенок вторично, но токмо без розысков против вышеписанного обозначения в бунте, во всем винулись.

И показали, что де до масленицы за неделю приезжал в дом вышереченного Фадея их дороги деревни Ерыклов сотник Исмаил Любаев с племянником своим Зенкулом, и с ним же сотни ево от каждой деревни было по два человека, а кто имянно не показал. И по приезде с показанными татарами ко оному Фадею в д[ом], собрав их деревни мирских людей, объявлял, что де они хотят бунтовать. Чего де для ездил он по в[сей] сотни своей

деревням и объявлял всем татарам, чтобы были к тому бунту в готовности и приезжали б дни за три до масленицы в деревню Ибрайкину для согласия ко оному бунту. Токмо они за лашманскою работою не были.

И потом оной сотник приезжал вторично об масленице и говорил, для чего де плохо стоите, и при том велел им готовиться с ружьем, у кого какое есть, и приезжать в ту деревню Ибрайкину чрез неделю в дом татарина Якупки, и где сход и согласие будет к тому бунту у него, Якупки. А ис той де деревни Ибрайкино хотел всем тем собранием нынешней зимы идти воевать Русь, рубить для того, что взыскивают с них за новокрещен подушные денги, рекрут и лошадей. И оной сотник, приехав в третьи, сказал им, что де ныне идти бунтовать не можно, понеже пришел в уезд полк.

А в том согласии было осмнатцеть деревень и все Казанского уезду татар. А на совет от тех деревень в деревню Ибрайкину // ездили по два человека. А казанских де слоботских и Уфинского уезду татар, башкирцов, киргис-кайсаков и протчих степных народов в согласии, и з другими областями о том переписок не было и от сотника о том не слышали.

И для взятъя вышеписанных татар посланы нарочные, токмо и поныне не возвратились.

И марта — дня по определению ж ево ж действительного статского советника и Казанской губернии губернатора с показанным же брегадиром Бардекевичем и с товарищи велено обретающимся по сю сторону Камы реки под командою подполковника Фроундорфа Троицкого полку трех сотней команде из нынешних квартир выступить и следовать за Каму реку, и соединиться того полку с полковником Фроундорфом. И расположиться всем полком по квартирам в вышеписанных осмнатцети деревнях и ружье в тех деревнях у татар оному полковнику Фроундорфу обобрать велено.

А на место оной имеющейся здесь, по сю сторону реки Камы, Троицкого полку команды ввестъ оставшую Ревельского полку команду ж и заступить оные Троицкого полку квартиры.

А к тайному советнику ковалеру и Оренбургской губернии губернатору Неплюеву писано промемориею, хотя в Московском полку ныне крайней нужды здесь и не настоять, но за вышеписанным оной полк из нынешних квартир из-за Волги не благоволит ли перевести на сю сторону Волги реки и заступить квартиры, где имел дистанцию Ревельской полк.

Понеже ныне наступает весна и приближается время разлитию рек, // в кое время, ежели, паче чаяния, предписанного полку служители для какой-либо надобности потребны будут, то оных за разлитием рек и достать будет вскоре весьма с превеликою трудно- стию и опасно, дабы не могло в то самое время произойти какой конфузии.

Того ради Государственной военной коллегии Казанская губернская канцелярия о вышеписанном сим доносит.

Степан Алеков.

Иван Бардекевич.

Василей Мязгунов.

Иван Блахов.

Василей Шальной.

Петр Стрелков.

Марта 21 дня 1748 году.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 121-123 об.

№ 7. 1748-го, марта 21. — Донесение в Государственную военную коллегию бригадира Бардекевича

В Государственную военную коллегию брегадира Бардекевича доношение¹⁶.

По присланному Ея императорскаго величества из Государственной военной коллегии от 21 числа февраля секретному указу по доношению Казанской губернской канцеля-

рии и по сообщениям при том с подметных партикулярных писем копиям¹⁷ повелено близстоящим х Казане команды тайного советника Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревельскому полкам да находящемуся в Саранску у сыску воров и разбойников при драгунских от Ростовского, Азовского и Вяцкого полков трем ротам мазору Генинберху с командою ево следовать прямо в Казань со всяким поспешением и быть тем полкам и ротам в команде моей. И к тому ж употребить обретающегося в Казане у сыску воров и разбойников подполковника Горина с командою. И поступать полковым и ротным командиром и подполковнику Горину во всем по ордеру моим.

А по прибытии тех драгунских полков и команды в Казань мне и Казанской губернской канцелярии всяким образом тщатся теми полками и командами, тако же казанским гарнизоном и прочими воинскими людьми от злаго и вредительнаго татарского намерения, касающагося к бунту, иметь всекрепкую твердую и неусыпную // предосторожность. И ежели б то заподлинно было, взять меры и всеудобвозможныя способы употребить, чтоб до такого их татарского зла и до разорения верноподданных, не распространя вдале, отнюдь не допустить и во всем поступать, как о том воинский регулы и указы повелевают. И что чинитца будет, как в Правительствующий Сенат, так и в Государственную военную коллегию репортовать.

Для той же предосторожности и к находящимся около Танбова Азовского, Ростовского и Вяцкого полков полковым командиром из Государственной военной калегии посланы отверстыя указы, чтоб оным трем полкам по получении тех указов из нынешних их мест тотчас выступить и подвинутца ближе х Казанской губернии. И о данном их марше о[жи]дать от меня ордера. А коль скоро от меня ордер получают, тогда и следовать оным полкам прямо в те места, которые от меня показаны будут, со всяким поспешением. А по прибытии х Казане быть тем полкам в каманде моей и во всем поступать по ордеру моим.

А между тем велено Казанской губернской канцелярии о вышеписанном татарском злонамеренном бунте и о подметных писмах накрепко и в самой крайней скорости без всякого времени и упущения исследовать. А по полученным же мною Ея императорскаго величества ис Правительствующаго Сената секретным ко мне указом по отпуску от 21-го да от 22-го чисел февраля велено о злом казанских татар г бунту намерении накрепко и в самой крайней скорости следовать для которого следствия в губернской канцелярии присутствовать мне.

И по силе оных // Ея императорскаго величества указов надлежащее исполнение чинитца и для секретнова розведования о том татарском злом умысле до прибытия определенного в Казань губернатора посланы от Казанской губернской канцелярии сего марта 4 дня нарочные гарнизонные афицеры под претекстом повестки немедленного платежа доимочных денег, рекрут и лошадей, и с ними пристойное число драгун и салдат, знающих татарского языка. И оным посланным афицером секретно определено усматривать татарские поступки и разговоры, и между собой съезды, не явитца ль чего, хотя малейшего подозрительнаго, точию и поныне теми гарнизонными афицеры ко изобличению их татарского злонамерения ничего не изыскано.

А окроме имянованных гарнизонных афицеров к достоверному осведомлению для розведывания о вышеимянуемом татарском к бунту намерении до прибытии же губернаторского послан, особливо от меня, во всесовершенном секрете з доволным¹⁸ наставлением при ревизии в каманде моей обретающейся ланцимилицкого Шешминского полку капитан Жданов, которым по ево тайному выведению чрез новокрещен из мордвы из согласников к бунту татар, из деревень, лежащих за рекою Камою между Новошешминска, Заинска и Мензелинска незапно в ночи один по другом, всего четыре человека, весьма тайным образом взяты и ночным временем, закрыв // в санях, увезены.

И сего марта 25 дня присланы ко мне в Казань. Которыми татары того ж числа в Казанской губернской канцелярии по прибытии губернаторском обще с ним губернатором следованно. И показали, что за Камою рекою осмнатцети по званием татарских деревень и всех Казанского уезду татар к бунту согласие и намерение было. И при том показали, что к тому бунту возмущаемы и приводимы были вышеобъявленных деревень волостным сотником татарином, которой для такова злово побуждения по всем имянованным деревням ездил.

И для взятъя оного сотника ис Казанской губернской канцелярии послан нарочной обер-афицер с командою, токмо поныне еще не возвратился. Того ради во исполнение Ея императорскаго величества указов по преддонесенной же к злomu от татар бунту намерении открытости для наикрепчайшей в том предосторожности и к пресечению того воровскаго от татар замысла ныне посланными от меня в драгунские Троицкой и Ревелской полки ордеры велено со всеми полками из их квартир выступить в силе военных регулов во всеовершенной в ружье и аммуниции исправности и расположитца квартирою. Троицкому из Мензелинска Казанскаго уезду по Зюрейской дороге между Шешминска, Заинска и Кичюева в вышеозначенных показующихся к бунту вознамерившихся татарских осмнатцети деревнях.

И по вступлении во оных деревнях у всех татар всякое ружье, порох и свинец, обобрав, от них того полку полковнику отправить поблизости в пригород и отдать воеводе при реэстрe с роспискою. //

А Ревельскому полку велено от Ставрополя маршировать х Казане. И, перешед Каму реку, расположитца от Казани верстах в сороки между Нагайской и Зюрейской дорог в татарские деревни. И обоим полком, расположась в квартиры, учредя пекеты, стоять с надлежащею воинскою предосторожностью¹⁹. И тако оные Троицкой и Ревельской полки в силе Государственной военной калегии указу ныне состоят в точной моей каманде, о которых в коликом числе находятца людьми и лошедми, Государственной военной калегии при сем покорнейше репорт подношу.

Впредь же, доколе оные имеют быть в каманде моей, о состоянии тех полков и протчие принадлежащие репорты, табели и ведомости, куда повелено будет посылать, имею ожидать повелительнаго Ея императорскаго величества указу.

А мазор Гененберг с ымеющими в каманде ево от полков Ростовскаго, Азовскаго и Вяцкаго тремя ротами в Казань прибыл и состоит в каманде же моей. И квартирою оные три роты расположены в городе Казане в Татарской слободе.

А стоящим на винтер квартирах трем драгунским Азовскому, Ростовскому и Вяцкому полкам по вышеупоминаемому Государственной военной калегии указу хотя и повелено было ис тех мест выступить и подвинутца ближе х Казанской губернии, но да сего по усмотрению тогда из оказующихся обстоятельств, // что до помянутых татар к злomu их намерению подозрения²⁰ не находилось, и дабы в излишнем тех полков переходе люди и лошади не могли претерпеть изнуренности и не последовало б напраснаго казеннаго убытка²¹, по определению моему обще с Казанскою губернскаю канцеляриею по посланным в те полки от 3-го числа марта наскоро с нарочным ордeром велено впредь до преддложения от меня остановитца в тех местах, где те ордеры получить имеют.

А к походу быть во всечасной исправной готовности так, что егда впредь о выступлении ордер от меня получают, то бы неотменно того ж числа со всеми полками²² в назначенное тогда место и выступить имели.

А что касается о посылке репортов, табелей и ведомостей и протчих принадлежащих до полку требованей, отправляли б и резолюции требовали по каманде, в которой поныне состояли, на которые ордеры ис тех полков репортовано, что по силе присланных в те полки из Государственной военной калегии указов и от господина генерала-аншефа и ковалера Василья Яковлевича Левашева ордеров по выступлении ис прежних своих квартир следовали и, отшед по несколько верст, получа в марше помянутые от меня ордеры, остановились и ныне, расположась, стоят в разных Воронежской губернии местах.

А имянно: Азовской из винтер квартир в марше выступил от бывших винтер-//-квартир в десяти верстах, где и остановился; Ростовской из винтер квартир из города Кратояка выступил и дошел до малоросианской слободы Урыва. Точию де, как в бывших винтер квартирах, так и в предписанной слободе Урывах за недородом хлеба в фураже имеецца великой недостаток. Понеже де по росписанию Воронежской губернской канцелярии розставлены были роты от штапу верстах восмидесят, в двухстах и больше. И для того де ныне, где штап винтер-квартиру имел, данная рота в десять дней едва дойти могли. Которой де ради нужды оной полк Ростовской ближе к Вяцкому полку, где по способности усмотрено будет, расположитца имеет. А Вяцкой стоит в прежних своих винтер квартирах.

И ныне оные от Казани разстоят: до Азовскаго — пятьсот пятьдесят девять, до Вяцкаго — семьсот девятнадцать, до Ростовскаго — девятьсот восемьдесят четыре версты.

И о всем предписанном Государственной военной калегии сим покорнейше доношу.

Брегадир Бардекевич.

Марта 21-го дня 1748 году.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 124-127.

№ 8. 1748-го, апреля 7. – Экстракт полученных в Казанской губернской канцелярии показаний подследственных, обвиняемых в подготовке антиправительственного бунта

Экстракт, что по следственному секретному, производимому в Казанской губернской канцелярии о злом казанских татар к бунту намерении делу, чрез сысканных посланным до прибытия в Казань губернатора от брегадера Бардекевича обретающимся при ревизии капитаном Ждановым к тому бунту согласников и по их показанию чрез других, сысканных же татар, к тому злому умыслу пущих возмутителей оказалось, о том показано ниже сего.

Минувшего марта 15-го числа от вышеименованного капитана Жданова присланы к брегадеру Бардекевичу в Казань взятые им, Ждановым, по наведанию тайным образом о помянутом злом татарском к бунту намерении показатели Зюрейской дороги новокрещенской деревни Кузаевой из мордвы новокрещены Ларион Федоров, Василей Димитриев. Да по их новокрещенскому показанию согласники к бунту татар деревни Юсупкиной Биккула Бикеев, Фадей Минеев, Юнус Декереев, деревни Добромыш Медей Мамеев.

И по присылке того ж числа показанные новокрещены в Казанской губернской канцелярии роспросами показали // прошедшаго де февраля 17-го числа, будучи в их деревне, означенные привезенные с ними татары говорили им, что де мы за вас разоряемся, платим новокрещенские денги. На что де и они, Ларион и Василей им объявили, креститесь де и вы, и с вас де править не будут. На которые их слова показанные Беккул им сказал, молитесь де Богу, а то бы де досталось вашу деревню рубить, а добромышским де служилым татарам рубить было новокрещенское село Рождественское, Емаж то ж.

А того же числа ис показанных татар Беккул Бикеев в вышеписанном против показания новокрещенов прежде запирался, что таких слов, как от новокрещен показано, не говаривал. А оные новокрещены с очных ставок ево Беккула в том избличали. И потом сведен в застенок и в роспросе без розыску на виске принес извинение.

И сверх того приполнил, ныне де тому сколько недель не упомянул, только об нынешней масленице служилой татарин Фадей Минеев посылал ево, Беккула, в вышеписанную новокрещенскую деревню Кузайкину для присмотру, в какой тои деревни новокрещены осторожности и есть ли у них ружья. И хотели де означенную деревню Кузайкину вырубить, к чему и вся де их деревня была в согласии. Да сверх де того в том же согласии были тое ж их Зюрейской и Ногайской дорог татары по званием осмнатцеть деревень и все де Казанского уезду татары.

А был де к тому умыслу сход за Шешмой рекой в степи, а в которой де деревне не знает, об масленице же от всякой деревни по два человека, а от их де деревни было два же человека, в том числе и вышеписанные привозные с ним татары, и были дней с пять. И к тому де к тому пущие заводчики и не было ль в том согласи из башкирцов, из других степных народов кто были ль, того ему не сказали. Но токмо де по тому намерению своему никому никакого разорения учинить не осмелились, в чем и с розыску утвердился.

И по тому показанию того же числа вышеписанные присланные от капитана Жданова татары Фадей Минеев с товарищи три человека спрашиваны и розыскиваны. И как с роспросов, так и с розысков, сперва против одного показания запирались. И из них Фадей Минеев показывал, что из разных деревень сотники и мирские люди на мирской сход в деревню Ибрайкину к татарину Якушке, чей сын не знает, якобы для щету ездили.

И того же марта 16 числа показанные татары сведены в застенок вторично и без розысков обозначенном к бунту умыслении винулись. И показали, что де до масленицы

за неделю приезжал в дом вышереченного Фадея Минеева их дороги деревни Ерыклов сотник Измаил Любаев с племянником своим Зенкулом // и с ним же сотни ево от каждой деревни было по два человека.

И по приезде де с показанными татары ко оному Фадею в дом, собрав их деревни мирских людей, объявлял, что де они хотят бунт начать. Чего де для ездил он по всем сотни своей деревням и объявляли всем татаром, чтобы были к тому бунту в готовности и приезжали дни за три до масленицы в деревню Ибрайкину для согласия ко оному бунту. Токмо они за лашманскою работою не были.

И потом оной сотник приезжал вторично об масленице и говорил, для чего де плохо стоите, и при том велел им готовитца с ружьем, у кого какое есть, и приезжать в ту деревню Ибрайкину чрез неделю в дом татарина Якупки, ибо де сход и согласие будет к тому бунту у него, Якупки. А ис той де деревни Ибрайкиной хотели всем тем собранием нынешней зимы итить воевать Русь, рубить для того, что взыскивают с них за новокрещен подушные деньги, рекрут и лошадей.

И оной сотник, приехав в третьи, сказал им, что де ныне идти бунтовать не можно, понеже де пришел в уезд полк. А в том согласии было осмнатцеть деревень и все Казанского уезду татар. А на совет от тех деревень и в деревню Ибрайкину ездили по два человека.

И по тому показательству для взятъя вышеимянованного // сотника Измаила Любаева и протчих татар послан был афицер с надлежащею камандою.

И по привозе марта 21 дня расспрашиваны и показали. Сотник Измаил первым роспросом в вышеписанном против татар, Фадея Минеева с товарищи, показания в возмущении к бунту записался.

А показатели на него означенные татары Фадей Минеев с товарищи ему, Измаилу, представлены во избличение, кои в том ево избличали, но он не винился. Почему уже для изискания истины сведен был в застенок и на виске без розыску показал.

Умысел де к бунту у них татар подлинно то же Нагайской дороги деревни Ибрайкиной у татарина Якупки Мустаева был. А начали де они о том умышлять сего 1748 году до масленицы за месяц. И для того умыслу было у них собрание во оной деревне Ибрайкиной, и на том де собрании было их татар человек з дватцеть, в том числе и он да деревни Белой Горы татарин Рахманкул Арасланов. А протчие де которых деревень и как зовут, не знает. А знает де и показать может оной Якупка, ибо де были из дальних Нагайской дороги деревень да деревни Каргалеи сотник Газей Мустаев.

И в том де доме советовали // они, чтоб им в казну Ея императорскаго величества не платить положенных на них за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей. А ежели де станут оные денги с них взыскивать, то б их не платить и идти на русских воевать. А главные де тому зачинщики показанные Рахманкул и хозяин Якуп да сотник Газей. И положили де, будучи тут, чтоб всякому сотнику для того бунту собрать своей сотни татар.

И по тому совету для наряду к тому бунту татар они ездили той своей сотни во всех деревнях, чтоб были татары в готовности с ружьем, у кого какое есть и наряжал. Но токмо де они того бунта учинить не успели. Понеже де услышали они, что в Казане найдено подметное письмо и учинена предосторожность в Татарской же слободе и караулы поставлены.

И окроме де вышеписанного собрания и съездов, для означенного умыслу и в том же согласии на съезде у показанного Якупки казанских слободских и Уфинского уезду татар и башкирцов и протчих степных народов и с протчими областями, о том переписок не было.

И марта 22 дня по вышеписанному ево, Измаилу, показательству татарин Якуп Мустаев²³ в роспросе против ево, Измаилова, показательства во всем заперся. А показал, в нынешнем де 748 году, а в котором месяце и числе не упомнит, недели за две до масленицы, в доме у него собрание было.

А в том де собрании было ж // Казанского уезду Зюрейские и Нагайские дорог разных по званиям десяти деревень татары поимянно, в том числе и означенные Измаил и Рахманкул, да кроме их сотников три, абыз один да двоя, знающих русской грамоте, всего тринадцать человек.

А збирались оныя татары к нему, Якупке, в дом для того²⁴ просить о снятии с них положенных за новокрещен подушных денег, о чем ис Правительствующаго Сената и указ в Казанскую губернскую канцелярию, привезши, подал. И с того указа смотрели у него

копию и для щету ево в данных ему на расход для проезду в Питербурх денгах. И были у него для того двой сутки и на третьей день ввечеру поехали.

А кроме де одного никаких советов и к бунту согласия никакого и ни для чего не было.

И для того вышеписанной сотник Измаил Любаев представлен был показанному Якупке на обличение и показал то же, как и в роспросе ево показано, что подлинно умысел к бунту был у них в доме одного Якупки. Да к тому приполнил, как де он, Измаил, был у вышеписанного Якупки в доме, то он, Якупка, и во первых говорил, что де зачем он ездил в Питербурх и милости никакой не сыскал и лутче де за новокрещен им денег не давать, а станем де бунтовать.

А вышепереченной Якуп против всех ево, Измаила, // показаней заперся и показал то же, что и в роспросе ево показано.

Того же 22 числа татару Абдул Смаилов, Акберда Кудаяв²⁵ роспросами же показали:

Вышеписанной де сотник Измаил до масленицы за неделю к ним в деревню приезжал. И по приезде мирских людей на сход збирал. И что они хотят бунтовать и быть в домах своих с ружьем, у кого какие есть, в готовности объявлял.

А хотели рубить Казанского уезду новокрещенных для того, что де они за себя подушных денег не платят, а взыскивают за них с них, татар.

А на съезд де они в деревню Ибрайкину не ездили.

Марта 28 дня по показателству сотника Измаила Любаева да татарина Якупки сыскано татар // [10] человек. Бектемир Мамяев, сотник Газей Мустаев, Давыд Уразметев, Мустафа Тюкаев, Мусса Абрамов, сотник Асян Сурметев, Надыр Аипов, чювашенин Артюшка Алеев, абыз Усман Иманалеев, Аблязя Кадырметев секретно порознь роспрашиваны.

А в роспросех показали.

Сего де 748 году до масленицы дней за пять деревни Ибрайкиной к татарину Якупке²⁶ приезжали и у него были разных деревень служилые татару деревни Белой Горы Рахманкул Арасланов. И оные татару да деревни Ерыклов сотник Измаил Любаев, только было десять человек²⁷, а приезжали де к нему для щету одного Якупки в данных ему на расход денгах и, начевав одну, а Надыр две ночи, поехали обратно по домам своим. А худых к бунту замыслов в том доме у них не было.

Из оных же сотник Асян Сурметев показал. До масленицы де или после, оной не упомнит, у показанного // Якупки был²⁸ для высылки с платежом за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей, и то де заезжал на малое время. А против показания сотника Измаила во всем заперся же.

И марта 30-го дня вышеписанным татаром, сотнику Газею Мустаеву с товарищи, в запитерстве на избличение с сотником Измаилом Любаевым даны очные ставки.

А с очной ставки сотник Измаил сказал то ж, как и с виски показывал, что подлинно они, в том числе и означенной сотник Газей Мустаев с товарищи, в доме у Якупки умысел к бунту имели. И в том утвердился.

А сотник Газей да Бектемир Мамяев показали, как де они у реченного Якупки в доме были, и умысел де у них к бунту подлинно никакого ни с кем не было и бунтовать не хотели, и кто оное умышлял, не знает и ни от кого тогда и после о том умысле не слышали.

Давыд Уразметев. Как де в доме у реченного Якупки были и на другой де день по приезде их требовали от него, Якупки, с каким указом он приехал из Санкт-Питербурха. И оной де Якупка с присланного указу ис Правительствующаго Сената объявил копию, в которой // было написано, чтоб с них татар за новокрещен подушные денги, рекрут и лошадей взыскивать. И тое де копию у него, Якупки, в доме читали.

И по прочтении де оной копии Якупка им татарам говорил, что де в Санкт-Питербурх ездил и милости никакой не получил. И при том им объявлял, чтоб они за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей в казну Ея императорскаго величества не платили. А как де станут взыскивать, то оных денег не давать, а лутче де будем бунтовать. И для де того велел всем их деревень татаром повешать, чтоб они были с ружьи, у кого какое есть, к тому бунту в готовности.

И при том будущие татару, Рахманкулка и сотник Газей, с ними все означенные слова слышали, ибо де они сидели у показанного Якупки вместе в одной избе.

Токмо де он, Давыд, в деревню свою означенные слышанные от Якупки слова в деревне своей татаром сказывал трем, а имянно: Абди Адарову, Котаске Муратову, Мукамейке Сукаеву. А протчих де деревенских людей при том не было. Которые де ему сказали, чтоб он им тех слов не говорил и чтоб были к бунту с ружьем в готовности не наряжал.

Мустафа Тюкаев, абыз Исмаил Аманалеев, Аблязей Кадырметоев показали против показания Давыда Уразметева, что Якупка при объявлении с указу ис Правительствующаго Сената копии, такие речи, что ежели де за новокрещен станут взыскивать подушные денги, оных не давать, а лутче де бунтовать, говорил и повешать татаром, чтоб // к тому бунту с ружьи были в готовности велел, токмо де они, Мустафа и абыз Аблязей, о том никому не сказывали.

Да сверх того из оных же Аблязей показал, что де оной Якупка велел будущим у него сотником и всем татарам во всех сотнях и деревнях объявить, чтоб ко оному бунту все татара были в готовности и чтоб, собравшись, идти в Казань разорять.

Токмо де они тех слов у него не приняли, и за то ево бранили. А он им на то сказал, ежели де они с ним не будут, то хотел их разорять. А кто с ним были в согласии главные заводчики и где хотели збиратца, и сколько было у него в собрании числом людей, о том покажет он сам, а им де обоим при том не сказывал.

А Казанской де Татарской слободы и Уфинского уезду татара и башкирцы в том согласии, тако же и переписки з другими Ордами были ль, того не знает и ни от кого не слыхал.

Сотник Асян Сурметев с очной же ставки с показанным сотником Измаилом и татарами Давыдом и Мусею сказал так же, как и в роспросе ево показано, чтоб он в доме у Якупки был для высылки с платежем за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей. И более ни в чем не винулся.

А показанные татара показали, что он, Асян, в доме у реченного Якупки подлинно был. А слышел ли те слова или нет, того они не упомянут, ибо де пришел уже по прочтении с указа копии в обед. //

Потом означенной Якупка поднят был на виску в пятые и сказал, вышеписанные де слова, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а начать бунтовать, будущим у него вышеписанным татаром, Рахманкулу и Измаилу с товарищи, говорил, а потом заперся и показал, что оным поклепал себя напрасно.

И того ж марта 31-го дня деревни Белой Горы татарин Рахманкул Арасланов сыскан и роспросом показал.

Сотник де Измаил в дом к нему до масленицы, а за сколько времени не упомянут, для высылки подушных денег, положенных за новокрещен, приезжал.

И о бунте он, Рахманкул, с ним, Измаилом, не думал. И в доме с ним сотником вместе у татарина Якупки были и чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а ежели де станут взыскивать, то оных не отдавать, а идти воевать, намерения не было.

И по прочтении с указу Правительствующаго Сената копии Якупка, что в Санкт-Петербурхе милости не получил, не говаривал, и он не слыхал. И во всем против показания сотника Измаилки Любаева и протчих заперся.

И с очных ставок с помянутыми татарами, Измаилкою с товарищи, оной Рахманкул при изболечении от них в том не винулся же, а сказал, что таких де слов от Якупки о неплатеже подушных денег и о бунте не слыхал. //

Того ж числа реченные татара, Давыд и Газей с товарищи, сведены в застенки. Ис которых Газей без виски сказал, что де вышеписанные слова о неплатеже подушных денег и о бунтовании показанной Якупка подлинно им говорил и те слова они все, при том будущие татара²⁹, слышали. Только де в сотне своей татар, чтоб с ружьем были в готовности, не наряжал и никому о том не объявлял, и сам к тому согласия не имел.

А Давыд Уразметев, абыз Усман Аманалеев, Аблезей Кадырметев, Мусей Аврамов с виски показали против очных ставок, что оной Якупка о неплатеже подушных денег и о бунтовании говорил. И в том утвердились.

И вышеписанной де сотник Газей по поднятии на виску сказал против вышеписанного же, что такие от Якупки слова слышали, токмо де татар, чтоб были с ружьем в готовности, не наряжал. И в том утвердился.

Рахманкул Арасланов и Бектемир Мямеев против показания на них вышеписанных татар заперлись. А показал Рахманкул, что от татарина Якупки, чтоб за новокрещен подушных денег не платить, а станем де бунтовать, не слышал. А вышеозначенные сотники Измаил и Газей на очной ставке их, Рахманкула и Бектемира, в том изобличали. //

Того ж числа Якуп Мустаев по многом увещевании в роспросе сказал.

Татарин де Рахманкул Арасланов и сотник Измаил Любаев с товарищи, о которых в прежнем ево роспросе значит, до масленицы за неделю приезжали и по приезде де требовали с него в ыздержанных данных на расход денгах щета и с чем из Санкт-Петербурха приехал.

И он де, Якупка, по тому их спрашиванию объявил ис посланного из Правительствующаго Сената указу копию о взыскании с них за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей, которую копию у него, Якупки, в доме при означенных татарех и читали.

И по прочтении той копии он, Якупка, им татарам сказал, что де он в Санкт-Петербурх ездил и милости никакой не получил. И при том объявлял, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить. А как станут взыскивать, лутче де будем бунтовать. И те слова оной Рахманкул и Бектемирка и чювашенин Артюшка слышали, а Асан сотник тех слов не слышал, ибо пришел по прочтении указа и, побыв мало время, уехал. А чтоб с ружьи все татары к бунту были в готовности, того никому не приказывал и никому о том не говаривал.

А вышеписанное де говорил он, Якупка, с пьянства. А намерения и умыслу к тому бунту на том собрании и ни с кем он не имел, и где и у кого о том к бунту намерение и умысел был, не знает и ни от кого не слышал.

И по оному показателству ему, Якупке, с татаринном // Рахманкулом дана очная ставка. И на очной ставке показали.

Якупка принес извинение и показал, что де в бытность у него, Якупки, в доме вышеписанных татар говорил по прочтении с указу копии показанные в повинном ево роспросе слова, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а ежели станут взыскивать, то б оные не отдавать, а идти бунтовать, подлинно как ему, так и протчим будущим у него в доме татаром, говорил.

И оной Рахманкул те слова слышел, и тем ево, Рахманкула, уличал.

А Рахманкул при той очной ставке показал. Оной де Якупка, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, будущим у него, Якупки, татаром говорил и он, Рахманкул, те слова от него слышел, а о бунте никаких слов от него не слышал.

Апреля 4-го числа Рахманкул Арасланов, Бектемир Мамяев, сотник Газей Мустаев с первого розыску показали.

Рахманкул Арасланов. Сотник де Измаил Любаев, как у них было собрание в доме у Якупа Мустаева, едучи ко оному Якупу, к нему, Арахманкулу, в дом не заезжал и он с ним, сотником Измаилом, о злом казанских татар к бунту намерении и ни о чем // не советывал.

А съехались де они с ним, Измаилом Любаевым, в доме у привозного с ними татарина Бектемирка Мамеева, откуда с ними, Измаилом и с означенным хозяином Бектемиром, приехали. И по приезде вышеписанные от Якупа Мустаева слова, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а лутче будем бунтовать, слышел. И о том де нигде не доносил, хотя закрыть вину свою.

А к бунту де согласия, как у оного Якупа Мустаева с означенными будущими в том доме татары, так и нигде ни с кем не имел. И сотником, чтоб они в сотнях своих татаром повестили, дабы к тому бунту с ружьем были в готовности, не говаривал, и сам к тому бунту никого не наряжал, и для того наряду никуда не езживал. Тако же в скрытном собрании никаких ружей, пороха и свинца у него не имется и согласия же к тому бунту з башкирцами и с киргис-кайсаками не имел. И от иных областей и степных народов наставление и происков о том никаких не было. И в том утвердился.

Бектемир Мамяев да сотник Газей Мустаев у вышереченного де татарина Якупа Мустаева совет у них у всех будущих татар, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и ло-

шедей не платить был. И на том де совете главные зачинщики были Рахманкул Арасланов да Якуп Мустаев, ибо³⁰ де им сам повещу. И выбрали к тому ево главным.

А при том де согласии других никого Казанского и Уфинского уездов татар, башкирцов и киргис-кайсаков и от иных областей и степных народов ни с каким наставлением не приезжали. И запасного оружия у них не было и ныне у кого есть ли, не знают.

Сверх же того из оных сотник Газей при том розыске показал, что хотели итить всем собранием в Казань разорять. Для чего де он, Газей, по сотне своей ездил и к тому бунту наряжал. Токмо де оного намерения не исполнили, убоясь страха. И в том утвердились.

Того же 4 числа Якуп Мустаев по сведении в застенок без розыску сказал, во-первых, что желает воспрять веру греческого исповедания. А вышеписанные де татары, Рахманкул Арасланов с товарищи, и чувашенин Артюшка в доме ево, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а итить на русских воевать, подлинно советывали.

А главный де к тому зачинщик означенной Рахманкул Арасланов. И положили де на том совете, чтоб всякому сотнику для того бунту сотни своей татаром повестить, дабы с ружьем, у кого какое есть, были в готовности. И при том означенной Рахманкул сказал, которых де сотников // в собрании в доме у него, Якупа, не было, я де сам к ним поеду и повещу.

А где б им для разорения собиратца и когда идти, того на том совете у них было не положено.

И против оного Якупа Мустаева показания вышепереченной Рахманкул по вторичном в застенок сведении в советывании к бунту не винился и показывал то ж, что выше сего от него показано.

Апреля 5-го числа для изискания истины вышеимянованные татары в разноречии, а Арахманкул Арасланов по многому на него показанию и изобличению в заперателстве, сведены в застенок и розыскиваны же. А с розысков показали.

Мустафа Тюкаев. У татарина де Якупа Мустаева совет у них з будущими татары, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить был. И на том де совете главные зачинщики были Рахманкул Арасланов и Якуп Мустаев. Ибо де они, Рахманкул и Якуп, при том совете говорили, чтоб всем сотником сотни своей татарам в деревнях повестить, чтоб к тому бунту все татары были с ружьем, у кого какое есть, // в готовности.

И при том реченной Рахманкул сказал, которых де сотников на том собрании не было, я де им о том сам повещу. Только он, Рахманкул, повещал или нет, он, Мустафа, не знает. И выбрали ево к тому главным. И, собравшись, куда хотели идти воевать, о том покажут реченные Рахманкул и Якуп. А ему де, Мустафе, о том не сказывали, и ни от кого не слышал. Но токмо де они того учинить не осмелились, понеже в то ж время, будучи у него, Якупа, в доме, услышали, что в Казане найдены подметные письма и учинена предосторожность.

А в прежнем де своем роспросе не показывал, хотя тот умысел закрыть.

Надыр Осипов. По прочтении де с присланного ис Правительствующаго Сената с указу копии татарин Рахманкул Арасланов говорил в доме зятя ево, татарина Якупа Мустаева, всем будущим татарам в собрании, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей, положенных за новокрещен, не платить, а лутче де будем бунтовать, подлинно говорил и велел наряжать, чтоб татары с ружьем, у кого какое есть, были в готовности.

И, собравшись де, поедом перва Казанской уезд, а потом в Казань русских разорим. Но токмо де того учинить не осмелились. Понеже де // в то же время, будучи у него, Якупа, в доме, услышали они, что в Казане найдены подметные письма и учинена предосторожность. А выбрали де главным оного Рахманкула. И, собравшись де, куда хотели идти воевать, о том покажут реченные Рахманкул и Якуп. А ему де, Надыру, о том не сказывали. При том же розыске просил он, Надыр, что он желает воспрять веру греческого исповедания.

Сотник Измаил Любаев сказал то же, что и прежде с виски показывал. Что тот к бунту умысел у татарина Якупа Мустаева в доме подлинно был. Да сверх того приполнил,

главные де к тому бунту зачинщики оные татары Рахманкул Арасланов да Якуп Мустаев. И оной де Рахманкул, будучи на том совете и сверх показанных в прежнем ево с виски роспросе слов, говорил, которых де сотников на том совете не было, я де поеду к ним сам и в тех сотнях, чтоб к бунту все татары были в готовности повешать. А повешал ли или нет, о том покажет он сам.

А что же де он в прежнем роспросе с виски показывал, что приезжал к показанному Рахманкулу и думали о начатии того бунта вместе, и то показал он не памятуя. А съехались де с ним подлинно деревни Челны у татарина Бектемира Мамяева и с ними обще поехали для означенного умыслу к показанному Якупу Мустаеву. //

Абыз Усман Иманалеев. По прочтении де с присланного ис Правительствующаго Сената с указу копии в доме у татарина Якупки Мустаева оной Якупка всем будущим татаром говорил, чтоб они за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей в казну Ея императорскаго величества не платили.

А как де станут взыскивать, то оных денег не давать, а лутче де будем бунтовать. И для де того велел всем их деревням татаром повешать, чтоб были с ружьи, у кого какое есть, к тому бунту в готовности. И при том будущие татары Рахманкул и сотник Газей с ними все означенные слова слышали. А он к тому согласен не был, но токмо де о том нигде не объявил, убоясь страха. И против показательства сотника Измаила Любаева во всем заперся.

Аблязей Кадырметев. Показал то же, что и оной абыз Усман показывал. Да сверх того приполнил, что де Якупка Мустаев подлинно велел будущим у него сотником и всем татаром во всех сотнях и в деревнях объявлять, чтоб ко оному бунту все татары были в готовности и чтоб, собравшись, идти в Казань разорять.

А как де о том бунте начали умышлять и кто с ним были в согласии главные заводчики и где хотели збиратца, и сколько было у него в собрании числом людей, о том покажет он, Якупка, сам. А им де об оном при том не сказывал.

Якуп Мустаев показал то ж, что и в последнем повинном роспросе своем в застенке без розыску показал. Вышеписанные де татары Рахманкул Арасланов с товарищи в доме ево, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а идти на русских воевать, подлинно советывали. А главной де к тому зачинщик означенной Рахманкул Арасланов. И положили де на том совете, чтоб всякому сотнику для того бунту сотни своей татарам повестить, дабы с ружьем, у кого какое есть, были в готовности. И при том де означенной Рахманкул сказал, которых де сотников в собрании в доме у него, Якупа, не было, я де сам к ним поеду и повещу.

А где б им для разорения збираться и когда идти, того на том совете было у них не положено. А чувашенина де Артюшки Алеева и сотника Асана Сурметева на том совете с ними не было, а в прежнем роспросе на них о том показывал напрасно.

Рахманкул Арасланов при вторичном розыске сказал то же, что и первого розыску показывал, и более ничего не приполнил и главным де к бунту быть не хотел.

Давыд Уразметев, Муся Аврамов сведены в застенок и за старостию и за болезнию не розыскиваны. А без розыску показали то же, что и в прежних своих допросах объявили.

Все же вышеписанные татары в роспросах и при розысках показали, что при том согласии других и никого казанских слободских и Уфинского уезду татар, башкирцов и киргис-кайсаков, и от иных областей и степных народов никаким наставлением, и запасного огненного оружия, пороху и свинцу, луков и стрел и протчаго у них не было. И ныне у кого под скрытием есть ли, они не знают, и ни от кого не слыхали, и более нигде на таких советах не бывали.

Вышеимянованному же Рахманкулу Арасланову по показанию на него многих, что он в показанном умышлении был главным зачинщиком и возмутителем, а он в том запырался, и еще будут учинены надлежащие розыски.

И ис того не может ли, что более показатца, о чем впредь донесено быть имеет.

Бригадир Бардекевич.

[Апре]ля 7 дня 1748 году.

РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, д. 185-197.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В рукописи заглавию предшествуют: пагинация «№ 172», делопроизводственные отметки «Подан 14 марта 1748», «Записав, сообщить с отпуском к наряду» и помета: «Секретно».
2. В рукописи: «ч.».
3. В рукописи до заглавия документа приведены пометы: «[О секре]тном деле», «Копия».
4. В рукописи вместо «по-татарски»: «татаски».
5. В рукописи: «ланда».
6. Здесь и далее текст, заключенный в квадратные скобки, восстановлен по контексту.
7. В рукописи: «коверте».
8. Фраза представляет собой адресат письма. В данной копии она приведена после текста Плача-прорицания.
9. В рукописи: «коверт».
10. В рукописи эта делопроизводственная отметка приведена в продолжение текста Плача-прорицания.
11. В рукописи: «наче».
12. Далее, надо полагать, подразумеваются дары или почести.
13. В рукописи заглавию документа предшествует пагинация «№ 159» и делопроизводственная отметка: «Подано 5 марта 1748».
14. В рукописи: «коверте».
15. В рукописи заглавию документа предшествуют помета «Секретно», пагинация «№ 217» и делопроизводственная отметка: «Подано 29 марта 1748».
16. В рукописи заглавию документа предшествует помета «[О секре]тном деле», пагинация «№ 216» и делопроизводственная отметка: «Подано 29 марта 1748-го года».
17. Далее следует приписка: «В коих объявлено о намерении г бунту казанских татар».
18. Далее следует приписка: «В разных мерах приличных к тому изисканию предприятий».
19. Далее следует приписка: «О чем от меня и к тайному советнику и ковалеру Неплюеву, у коего оные полки в каманде состояли, за известие сообщено».
20. Далее следует приписка: «Кроме найденных подметных писем».
21. Далее следует приписка: «Как и по указу Государственной военной калегии от 23-го февраля повелено, ежели крайней опасности не предусмотритца, то бы вышеимянованных полков, хотя оные из своих мест и выступили маршем, удержать».
22. Далее следует приписка: «Кроме излишних тягостей и при них без излишества для караулу и больных».
23. Далее следует приписка: «На которого показано, что умысел о бунте был в доме ево».
24. Далее следует приписка: «Ибо де ездил он в Санкт-Петербург за мирским по выбору делом».
25. Далее следует приписка: «На которых деревни Добрамыш татарина Медея Мамеева показано, что означенной де сотник Измаил приезжал в их деревню и, собрав много той деревни татар, наряжал так, как и показанной Фадей Минеев роспросом показал, чтоб были к бунту с ружьем в готовности. И по наряду де вышеписанного сотника Измаила Любаева в вышеписанную деревню на совет ездили означенные Абдул и Акберда».
26. Далее следует приписка: «Которой ездил в Санкт-Питербурх за их татарским мирским делом просить о снятии с них за новокрещен положенных подушных денег, рекрут и лошадей».
27. Далее следует приписка: «А Газей Мустаев, Надыр Осипов показали, что было человек с пятнатцеть».
28. Далее следует приписка: «И в том же де доме были разных деревень татар, показанной Рахманкул Арасланов да сотник Газей, да Смаил, а протчих не знает».
29. Далее следует приписка: «Кроме сотника Асана».
30. Далее следует приписка: «/де означенные Рахманкул и Якуп на том совете говорили, чтоб всем сотником сотни своей в деревнях татаром повестить, дабы к тому бунту все татара были с ружьем, у кого какое есть, в готовности. И при том реченной Рахманкул сказал, // которых де сотников на том собрании не было, я».

Публикацию подготовила
Дина Мустафина,
кандидат исторических наук

